

Н.Г. Галеткина

ПОЛЯКИ ДЕРЕВНИ ВЕРШИНА: ЭТНИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС

В статье рассматриваются процессы актуализации этничности на протяжении последнего десятилетия в деревне Вершина Боханского района Иркутской области. Преобладающую часть населения деревни составляют потомки польских переселенцев, обосновавшихся в Сибири в 1910-х гг. во время Столыпинской аграрной реформы. Выдвигается тезис, что наиболее стимулирующую роль в данных процессах играют контакты жителей Вершины с представителями Польши, а сама «историческая родина», как и этничность, превращается в экономический и символический ресурс. Статья написана, главным образом, на основе полевых материалов, собранных в 2005 г. в деревне Вершина и соседних с ней населенных пунктах. Были использованы также результаты более ранних исследований, а также научные и научно-популярные публикации польских и российских авторов.

Неофициальный статус «самой известной сибирской “польской” деревни» Вершина приобрела в польских, а также российских региональных СМИ с начала 1990-х гг. До этого времени о поляках, живущих компактным поселением на территории Иркутской области, в самой Польше мало кто знал, кроме их близких родственников. 1930–50-е гг. были временем изоляции, когда даже переписка могла вызвать нежелательные последствия.

Посещение деревни польскими кинодокументалистами в 1969 г., а чуть позже — известной польской журналисткой не вызвало еще того бурного интереса к Вершине, какой появился двумя десятилетиями позже. Говорить об «открытии» Вершины для Польши можно лишь применительно к ситуации начала 1990-х гг. В это время посещение «польской деревни» становится обязательным пунктом программы Дней Польши в Иркутске. Сюда всё чаще приезжают официальные делегации, туристические группы, польские и российские журналисты.

В начале 1990-х гг. в жизни деревни происходит несколько знаковых событий, которые попадают в центр внимания практически всех, кто пишет о Вершине. Это — восстановление деревенского костела, введение в программу местной начальной и средней школы факультативного изучения польского языка, приезд учительницы из Польши, обучение местной уроженки в

Гданьском университете*. Все это предстает в газетных и журнальных публикациях как свидетельство «национального возрождения» сибирских поляков. Вряд ли такое определение адекватно отражает ситуацию в Вершине в это время, однако об оживлении этнических процессов говорить, безусловно, можно.

Интересно, что инициатором и активным участником всех вышеперечисленных событий был житель соседней с Вершиной деревни, бурят по происхождению, Лев Родионович Мантыков, занимавший пост председателя сельсовета (позже — главы сельской администрации). Во многом именно ему вершининские поляки обязаны своим «национальным возрождением» начала 1990-х гг. *«Это был довольно благоприятный период для того, чтобы возродить национальную культуру — и бурятскую, и польскую, — вспоминает он. — Вот начали, в школу** внедрили (...) бурятский язык, в начальную классы и средние. И у меня появилась мысль, что надо бы в школу и польский. Почему? Потому что почти одна треть, если не одна треть, то четверть, это точно, у нас поляки-ребятишки в школе обучаются. И у меня появилась мысль: а почему бы им нельзя изучать и польский язык? Я полагаю, для сохранения культуры и (...) языка это нужно было. Ну, вот задаясь этим вопросом, обратился к заведующему Районо. Она обратилась к председателю райисполкома ... И колесо начало потихонечку крутиться. (...) У нас были хорошие связи с окружкомом комсомола и с обкомом комсомола и, как говорится, там началась переписка, и вот нам сказали, что к вам придет учительница...».*

Одновременно было решено отправить на учебу в Польшу местную ученицу, которая бы в будущем стала постоянным учителем польского языка в деревенской школе. *«Я вышел на заседание правления колхоза с инициативой, чтобы стипендиатом колхозным отправить ее туда учиться. Ну, и в конечном итоге, тоже было много за, много против. Но с небольшим перевесом я все-таки выиграл».* (ПФ7-2005).

Как можно заметить, в тот момент все решалось на уровне местных властных структур: сельсовет, районо, райисполком, окружком и обком комсомола, правление колхоза. Инициатива же исходила от лица, занимавшего важные позиции в этой системе. Контакты Вершины с Польшей активизировались в это время преимущественно через официальные каналы. Представители местной власти понимали, что отношения с польской стороной представляют кроме всего прочего и важный ресурс. Иркутский католический священник о. Игнацы Павлусь, ставший с 1991 г. духовным наставником вершининских католиков, так вспоминает о своей первой встрече с местным начальством. *«Главу администрации обрадовало мое решение начать пастырскую работу в Вершине. Он готов был сотрудничать со мной в том, что касается нравственного и духовного возрождения народа, и надеялся на скорое восстановление вершининского храма. У него было также предложение к журналистам: «Попробуйте заинтересовать своих читателей и польские власти судьбой поляков из Вершины. Сделайте все возможное для привлечения их внимания и пробуждения желания оказывать помощь*

* Подробнее об этом см. (Галеткина 2002).

** Речь идет о средней школе в деревне Дундай, где обучаются также вершининские школьники с 5 по 11 класс.

соотечественникам. Помощь из Польши будет только способствовать развитию Вершининской школы. Пусть станет она образцом для региона. Польша имеет опыт и ресурсы помочь нашим земледельцам и скотоводам. Будет здорово, если ваша страна прославится в нашем районе» (Павлусь 2005: 63).

Контакты Вершины и Польши продолжали развиваться на протяжении всего десятилетия. Но если в начале 1990-х гг. это происходило по инициативе и при активной поддержке местных советских и партийных властей, то к концу десятилетия конфигурация главных действующих лиц изменилась. Партийные структуры были отстранены от руководящей роли, влияние местных властей неуклонно падало. На первый план в это время выдвинулись польские официальные и общественные организации. Непосредственные контакты с ними стали главным фактором актуализации «польскости» в местном сообществе. Это хорошо заметно на примере учреждения в Вершине польского культурного общества «Висла».

Создание и деятельность польского культурного общества «Висла»

Идея организовать в Вершине польское национально-культурное общество впервые возникает в 1993–94 гг. В деревне в это время происходят серьезные перемены, связанные с решением ее жителей выйти из колхоза, который несколько десятилетий объединял Вершину и соседние бурятские поселения. Отделившись в 1995 г. от колхоза «Дружба», вершининцы создают новую хозяйственную единицу — акционерное общество «Вершина». Бурные обсуждения, доходившие до открытых конфликтов внутри деревенского сообщества, которые сопровождали этот процесс, помешали в тот момент реализовать идею учреждения национальнокультурного общества. Повторная попытка была предпринята через несколько лет, но и она не увенчалась успехом. Мои информанты объясняют это бюрократическими проблемами, с которыми они столкнулись, а также некоторыми обстоятельствами личного свойства.

Наконец, в марте 2002 г. усилиями небольшой группы энтузиастов была зарегистрирована Усть-Ордынская окружная общественная организация «Вершининское польское культурное общество “Висла”». Одна из непосредственных участниц так вспоминает об этом событии:

«Тогда, в принципе, даже не столько мы, сколько была такая ситуация, что нужно было это общество. Тогда и всё больше поляков приезжало. Говорили — давайте, тут соберитесь, даже можно было бы вам как-то и помочь, но когда нет официальной организации, то всё сложно. Копэрский Роман тогда приехал, помню, с подарками для детей зимой, и он вез большой груз — 12 огромных ящиков. Там где-то завязло всё в Москве, они там выбивали, пробивали. На таможене их трясли, в общем ужас был. «На кого оформлено, да как». Потом было на школу. Так директор наша ездила потом кучу раз в этот город. Это считалось, как гуманитарная помощь. Но много этого было. И еще сколько было изъято при перевозе. Так он говорит: «Давайте, собирайтесь, может быть, потом что-то там на будущее будет проще и вам, и нам. Вот как-то так потихонечку собирались-собирались» (...)

Вопрос: *То есть вы создали общество именно для того, чтобы была какая-то структура, чтобы можно было связи с поляками поддерживать?*

Ответ: *«Не только поэтому. В нашем обществе есть устав, где написа-*

но, чем мы занимаемся. Основная цель этого общества — сохранение национальной самобытности у жителей села Вершины. Что вот мы сами решаем свои вопросы, там какие у нас права и обязанности, всё это. Ну, и между прочим, и тоже связь с Польшей. Какая-то там, может быть, поддержка или поездки» (Ж., 1972, ПФ-1)*.

Думается, бюрократические проблемы, помешавшие создать общество пятью годами ранее, к 2002 г. не исчезли. Однако к этому времени возник мощный дополнительный стимул, связанный с активизацией контактов между Вершиной и Польшей. Увеличение потока польских туристов и представителей благотворительных организаций с эксплицитно выраженным желанием помогать вершининским полякам стало главным фактором в осуществлении идеи учреждения в деревне национально-культурного общества. Именно эти люди, наряду с непосредственными жителями Вершины, выступили в качестве главных действующих лиц — они не только выражали желание помочь, но и везли гуманитарные грузы, «пробивали» их на таможне, давали реальные советы по созданию официальной структуры, от лица которой вершининцы могли бы получать эту помощь.

Тезис о связи между ростом числа поляков из Польши, посещающих Вершину, и учреждением здесь польского культурного общества встречается и в других интервью, а также в публикациях в прессе**.

В уставе общества «Висла» главная цель его деятельности формулируется следующим образом: «самостоятельное решение вопросов сохранения национальной самобытности российских граждан польского происхождения». При этом сама по себе этническая принадлежность не является необходимым условием членства в обществе. Главное здесь — это стремление «к достижению основных целей организации» (Фигура 2005: 29). Хотя, если говорить о реальном положении дел, то на момент проведения полевых исследований (июль 2005 г.) преобладающую часть членов общества «Висла» составляли все-таки жители Вершины польского происхождения. Одна из активисток общества в интервью заметила, что на сегодняшний день существует проблема разделения на «своих» и «чужих» в зависимости от этнических характеристик.

«Мол, мы вот тут, поляки, ходим, а вы вот русские, так вы — уже чужие. Тоже немного что-то вот такое есть. Но есть уже первые русские в нашем обществе. И я думаю, что это очень хорошо. Раз уже первые отважились — придут и другие». На вопрос, почему для них важно участие в обществе русских, она отвечает: «Зачем нам русские? Но они же живут всё равно с нами. У кого-то муж поляк или там дети во всём этом участвуют. Как бы сложно, например, проводить праздники. На праздник придет муж, а жена дома останется? Это тоже ненормально. А к тому же те русские, кто записались, они, действительно ... Одна из них, например, она

* В круглых скобках после цитаты из интервью указывается пол и возраст информанта, номер полевой фонограммы в архиве автора.

** См., напр., : «1990-е годы. Растет поток туристов, направляющихся в Сибирь. В Вершину все чаще стали приезжать гости из Польши (...) Встречи проходили на улицах, в домах, в школе. Пели песни, разговаривали, вспоминали. Именно тогда и появилась идея создания какой-либо организации по подобию тех, что уже существовали в Иркутске и других городах. Людям хотелось общаться более организованно, сплоченно» (Фигура 2005: 27).

уже лет пять поет в польском фольклорном ансамбле. Муж у нее поляк. Вторая тоже, муж у нее поляк, и дочь у нее тоже в этом во всём» (Ж, 1972, ПФ-1).

Широкая формулировка членства в обществе «Висла» отражает существующую в деревне этническую ситуацию, характеризующуюся значительным числом смешанных браков, где лишь один из супругов — потомок польских переселенцев (такие семьи составляют приблизительно 43 % от общего количества браков*). Реальная жизнь диктует правила совместного проживания в пользу расширенного «мы», включающего не только поляков, но и других жителей деревни, членов смешанных семей.

Для достижения главной цели общества его устав предусматривает выполнение нескольких видов деятельности. Среди них упомянуты как просветительские и исследовательские (изучение, сохранение, развитие польского языка и традиций; исследование и публикация материалов о жизни и деятельности поляков и пр.), так и вполне прагматические задачи (например, «укрепление деловых и дружеских связей с гражданами Республики Польша и поляками, проживающими на территории других государств») (Фигура 2005: 28).

Это — декларируемые цели и задачи. Интересно посмотреть, что же происходило на практике, в чем конкретно выражалась деятельность членов общества «Висла» на протяжении трех лет с момента его основания. Опираясь на имеющиеся в распоряжении интервью и публикации, можно выделить следующие формы деятельности:

— Организация и проведение «польских» праздников, в числе которых называют День независимости Польши (11 ноября), а также Рождество и Пасху, отмечаемые по григорианскому календарю. В данном случае, «польскость» соединяется, с одной стороны, с идеей польской государственности, а с другой — с конфессиональной характеристикой («католическое» Рождество приравнивается к «польскому»).

— Участие в организации праздников, не маркированных этнически, таких как День защиты детей, День Победы. Хотя «польская тема» здесь вроде бы не выходит на первый план, она актуализируется самой практикой проведения подобных мероприятий. Как правило, программа и «польских», и «общих» праздников включает в себя концерты с участием фольклорных коллективов, существующих в Вершине. Польские песни, польские танцы, польские костюмы — все это призвано демонстрировать перед собравшимися «сохранение национальной самобытности российских граждан польского происхождения»**.

— Встреча приезжающих из Польши официальных делегаций, туристических групп, отдельных почетных гостей. Подробнее о типологии «гостей» речь пойдет ниже, здесь же хотелось бы отметить, что зачастую такие ме-

* Подсчитано по материалам похозяйственных книг сельской администрации.

** См. фрагмент из описания подобного праздника: «Зинаида Зелинская, руководитель кружка «Умелые руки», и Людмила Вижентас, бессменный руководитель Польского фольклорного кружка, подготовили выступление детей. Дети младших классов зажигательно танцевали польку, пели песни, а старшие ученики гордо читали стихи на польском языке о Родине. Все дети были одеты в польские костюмы, сшитые руками их бабушек, мам, сестер под руководством Марианны Добровольской, учительницы из польского города Конин. Выступление польского ансамбля «Яжомбэк» придало особый колорит празднику» (Фигура 2005: 31).

роприятия подразумевают не только организацию общения, но и предварительную работу по составлению проектно-отчетной документации. В случае приезда представителей благотворительной организации, поддерживающей какие-либо инициативы общества «Висла», от руководителей общества требуется предоставление проектов, смет, отчетов о расходовании полученных средств.

— Организация поездок детей в Польшу (контакты со спонсорами и другими поддерживающими организациями, подготовка документов).

— Подготовка к открытию Польского дома: переговоры с благотворительными организациями, покупка здания, его благоустройство.

Польский дом

О Польском доме, сочетающем в себе функции представительства общества «Висла», деревенского клуба и места отдыха для приезжающих в Вершину гостей, следует рассказать более подробно.

С созданием общества «Висла» появилась официальная структура, с которой теперь могли взаимодействовать польские благотворительные организации и фонды, оказывавшие до сих пор поддержку жителям деревни лишь в рамках «гуманитарной помощи». Устав официально зарегистрированного общества позволял рассматривать эту помощь как непосредственную поддержку целей и задач организации, среди которых — создание в деревне центра польской культуры. На выполнение роли такого центра и претендует официально открытый в июне 2005 г. Польский дом, приобретение и обустройство которого финансировала варшавская общественная организация «Польское содружество» («Wspólnota Polska»).

Необходимость его открытия диктовалась вполне прагматическими вопросами. Количество членов общества «Висла» увеличивалось, и требовалось специальное помещение для проведения собраний. Разного рода почетные гости все чаще посещали Вершину, а достойного места для торжественных встреч с ними в деревне не было. Кроме того, приезжающие зачастую не ограничивались однодневным пребыванием, а это порождало проблемы с ночлегом.

«Это тоже была, в принципе, как бы подсказка со стороны польских туристов. Потому что в основном все туристы собирались у меня. Было такое, что и по 10, и по 20, и по 25 человек ночевали. Заходишь в дом — и всё — только люди спят. Они говорят: «Ну, ты же просто замучаешься так. А сюда люди всё равно будут ездить» (...) Ну, вот они мне говорят: «Там где есть польские общества, там создаются и Польские дома при этих обществах. Вам здесь тоже что-то такое нужно сделать, потому что ни клуба, ничего такого у вас здесь нет» (Ж, 1972, ПФ-1).

Первоначально члены общества планировали строить новое здание для Польского дома, но потом воспользовались появившейся возможностью купить уже готовый жилой дом у семьи, уезжавшей из Вершины. К апрелю 2004 г. покупка была оформлена, и начались работы по благоустройству помещения. Но еще до их завершения, в июле 2004 г., во дворе Польского дома состоялось первое крупное мероприятие — встреча с делегацией из Поморского воеводства, которая передала в подарок обществу «Висла» изготовленный специально для Польского дома в Вершине герб Республики Польша. На этой встрече присутствовали представители польского гене-

рального консульства, иркутской католической епархии, глава сельской администрации. Помимо официальной части, состоящей из приветственных и благодарственных речей, программа праздника включала концерт с выступлениями местных фольклорных ансамблей.

По подобному сценарию, но с еще большим размахом, проходило официальное открытие Польского дома год спустя, 18 июня 2005 г. Здесь были представители «Польского содружества», генерального консульства, польской культурной автономии «Огниво» в Иркутске, руководители районной и сельской администрации.

Приехав в Вершину через месяц после этого события, я непосредственно могла наблюдать за функционированием Польского дома. Внешне это был обычный жилой дом, мало чем отличавшийся от других вершининских построек 1990-х гг. О назначении здания можно было судить, лишь зайдя внутрь. В бывших сенях располагалась экспозиция детских рисунков на тему «Как я представляю Польшу». Длинный коридор вел из сеней в зал, где взгляд сразу притягивало висящее на стене большое деревянное изображение одноглавого орла — герб Республики Польша, уже упоминавшийся подарок поморских поляков. На стенах висели стенды с информацией о деятелях польской культуры, карты Польши и ее регионов, текст польского гимна. На полках шкафа стояли диски с записями польских исполнителей, видеокассеты с документальными фильмами о Польше.

Кроме зала и сеней в доме были еще три помещения, в которых располагались библиотека, комната отдыха и кухня. В библиотеке я обнаружила фотоальбомы о современной Польше, детские книги на польском языке, религиозные книги для детей и взрослых на русском и польском языках. Здесь же хранились школьные и студенческие работы по истории Вершины, ксерокопии научных статей на ту же тему, подборка публикаций о Вершине в польской и российской прессе, книга посещений с отзывами гостей из Польши. На стенах комнаты отдыха можно было видеть фотографии, сделанные во время встреч с почетными гостями (польским ветераном Второй мировой войны, приехавшим сюда накануне празднования 60-летия Победы, генеральным консулом Республики Польша, католическим епископом из Иркутска).

Все эти элементы оформления Польского дома и его библиотека говорили о связи Польши и Вершины, их прошлом и настоящем. Польша была представлена здесь и как современное государство, и как историческая родина жителей Вершины, и как некое воплощение польской культуры. Вершина же выступала как место проживания людей, приобщенных в силу происхождения к этой общей культуре. «Мы — поляки, мы — часть более широкого сообщества людей, объединенных принадлежностью к польской истории и культуре», — такова главная идея, которая «прочитывалась» в оформлении вершининского Польского дома.

Главным же адресатом, для которого предназначалась эта информация, были приезжающие поляки. Всего за две недели моего пребывания в Вершине в июле 2005 г. деревню посетили три организованных группы и несколько самостоятельно путешествовавших туристов из Польши. Всех их, прежде всего, вели в Польский дом на своеобразную «экскурсию». Те же, кто приехал не на один день, размещались здесь же на ночлег.

Что касается самих деревенских жителей, то они воспринимали Польский

дом в большей степени как нечто, предназначенное для «внешнего потребления»: прежде всего, как место встречи с гостями из Польши. Мне ни разу не довелось видеть, чтобы обычные жители деревни пользовались имеющимися здесь книгами, кассетами, дисками. Исключение составляли члены общества «Висла», собравшиеся в один из июльских дней 2005 г. на отчетно-перевыборное собрание.

Польские гости

Если вернуться к разговору о польских гостях, то можно выделить несколько категорий людей, приезжающих в Вершину из Польши.

«Туристы». Они приезжают в Сибирь через туристическую фирму организованной группой либо в индивидуальном порядке, но в любом случае их маршрут определяется посещением озера Байкал. Поездка в Вершину и знакомство с местными поляками выступает в данном случае экзотическим дополнением к стандартной туристической поездке.

«Благотворители». Эти люди представляют помогающие Вершине польские организации («Польское Содружество», «Общество помощи полякам на востоке» и др.) и зачастую наделены контрольно-инспектирующими полномочиями. Маршрут этих групп обусловлен не природными достопримечательностями, а местами компактного проживания поляков в Сибири (кроме Вершины сюда входят Иркутск, Усолье-Сибирское, Чита, Улан-Удэ). Разницу между ними и «туристами» прекрасно осознают жители Вершины. *«Вот в ту субботу приехали вот эти из Кракова. Это я зимой вот сейчас была в Польше, они мне сказали сразу, что мы приедем к тебе. Мы едем, говорят, к людям, чтобы с народом. А эти сейчас, вчера которые, то они приехали как туристы, интуристы. Они в гостинице Интурист живут, их сын на Байкал возил, а сын работает в Интуристе»* (ж, 1932, ПФ-6).

«Специалисты». К их числу я отношу журналистов, писателей, исследователей, приезжающих в Вершину с целью сбора материала о жизни местных поляков. Именно они формируют образ деревни, который получает распространение в польских СМИ.

«Родственники». Они приезжают по частному приглашению конкретных жителей Вершины. Первые подобные визиты родственников — как из Польши в Вершину, так и в обратном направлении, были разрешены в 1960-е гг. после нескольких десятилетий отсутствия всяческих связей. Естественно, эти поездки сопровождались тогда строгим контролем со стороны советских и партийных органов и были сопряжены с преодолением многочисленных бюрократических препон. Сегодня организация поездок не представляет никаких проблем.

Интересно отметить, что в эмоциональном отношении вершининцев к гостям из Польши за последние 10–15 лет произошли изменения, фиксируемые как самими жителями, так и приезжающими поляками. (В данном случае речь не идет о приездах родственников). Если раньше ради появившегося в деревне польского туриста люди могли бросить все свои дела, то сейчас они воспринимают эти визиты гораздо спокойнее. Появился эффект привыкания. Одна из информанток рассказывала о группе польских студентов, которых обидело недостаточное, на их взгляд, внимание местных жителей.

«Мол, идем по улице, с нами, естественно, по-польски здороваются и, говорят, ноль реакции, дальше идут заниматься своими делами. А я говорю: а

вы что хотели, чтобы вам на шею бросались или что? (...) Я говорю им: Вы лет на 10 опоздали. Тогда так было. Когда, помню, первые группы только стали приезжать, (...) тогда, действительно, как будто там самые близкие родственники приехали. И собирались почти всем селом, и там столы накрывали, и всё это было. Радость просто была огромная, что наконец кто-то про нас вспомнил. А сейчас, ну, как бы немножечко привыкли» (Ж, 1972, ПФ-3).

О том, как встречали приезжающих из Польши в начале 1990-х гг., можно судить по следующему фрагменту из интервью.

«... Тут сказали: приезжают поляки, давайте встречать. Как их встречать? Жили-то не очень богато. Ну, я, что — по деревне: «Женщины, что есть у вас? Несите все». Кто бутылку, кто картошек, кто что мог. И всегда столы накрывали, всегда их потчевали, как надо. Сообща всей деревней. Ну, а сейчас, уже видите как — дом купили, там в доме всё прилично уже сделали, купили. Сами видели, какой прекрасный, хороший дом. Вот уже поляков встречаем там» (Ж, 1935, ПФ-2).

Особую категорию гостей составляют сотрудники польского генерального консульства, которые являются официальными представителями Польши, но приезжают в Вершину из Иркутска. Ситуация здесь не однозначна и в том смысле, что жители деревни, не будучи гражданами Польши, все же представляют для работников консульства особую группу людей по сравнению с «обычными» россиянами. Они принадлежат к сообществу этнических поляков за пределами Польши, относительно которых польское правительство осуществляет специальные программы поддержки.

Так, вершининцы всегда могут рассчитывать на особое содействие польской консульской службы в получении польской визы. Еще до официального открытия в Иркутске генерального консульства (2004 г.), когда все выездные документы оформлялись в польском посольстве в Москве, постоянно живший в Иркутске генеральный консул нередко лично отвозил необходимые бумаги в посольство и получал там для вершининских поляков визы. С открытием консульства возросла его помощь в организации поездок вершининских жителей в Польшу. Особенно это касается образовательных поездок — когда молодые люди из Вершины едут на учебу в польские средние и высшие учебные заведения (об этом подробнее будет сказано ниже).

Генеральный консул, вице-консул и их супруги — частые гости в сегодняшней Вершине. Они участвуют в праздничных мероприятиях, проводимых обществом «Висла», сопровождают приезжающих в Вершину представителей спонсорских организаций. Об отношении к ним местных жителей я могла судить по прощальной встрече в Польском доме с бывшим вице-консулом Вальдемаром Ковальским, получившим в июле 2005 г. новое назначение. Прочувствованные речи, слезы на глазах, взаимные подарки — эти и другие знаки приязни и расположения говорили не только об официальных взаимоотношениях.

Для понимания того, как воспринимают вершининцы работу польского консульства, характерен следующий фрагмент из интервью с жительницей Вершины, где она высказывает о произошедшем накануне инциденте. Присутствие консула на собрании акционеров ОАО «Вершина» и его разговор с представителем местных властей относительно хозяйственного конфликта в деревне были интерпретированы в одной из газетных публикаций как превышение консульских полномочий.

«...А потом мы обратились к этому консулу. Приехал. Он еще возле конторы стоял, я подошла, потому что мы с ним там виделись, в Польском домике, в прошлом году он был. Поздоровались, поговорили. И я говорю: вот видите, что творится здесь у нас. Ну, говорит, я приехал. Только я, говорю, ничего не могу сказать — ни против, ни за, потому что я не имею права. Ну, ладно. Посидите, послушайте. И он сидел, в зале был. Не касался совершенно, ни слова не сказал».

Вопрос: *В статье написали, что он якобы пришел в администрацию округа заступаться за поляков, а ему сказали, что это же граждане России, вы не имеете права вмешиваться в эти конфликты.*

Ответ: *Но, может, он там ходил. Но, а что, он какое преступление совершил, что ли? Если он пришел там и, может быть, сказал. Он же наш, как бы говорится. И может нас в любое время защитить, раз он здесь консул. Раз он здесь живет, он чем-то занимается, наверно, поляками интересуется, какую-то функцию он занимает, наверно? Что — почему мы не должны к нему обратиться? (Ж, 1935, ПФ-2)*

Польский консул воспринимается информанткой как «свой человек», как законный защитник их прав. «Ведь он занимается поляками, а мы — поляки, значит, можно к нему обращаться». При этом разница между этническими и государственными вопросами осознается мало.

Поездки вершининцев в Польшу

Как уже говорилось, в 1960-х гг. возобновились контакты вершининских поляков с родственниками в Польше, в первую очередь, с теми, кто оказался там сравнительно недавно, во время войны*. Именно к ним, прежде всего, и удалось съездить в гости некоторым деревенским жителям в эти годы.

Более частым явлением такие поездки стали в 1990-е гг. Некоторые вершининцы благодаря развитию связей с Польшей смогли найти своих польских родственников, о местожительстве которых до сих пор ничего не знали.

В это же время, а еще в большей степени в 2000-е гг. возрастает число поездок иного рода: не индивидуальных, совершавшихся в частном порядке, а групповых. При организационной и финансовой поддержке представителей генерального консульства Республики Польша, Католической церкви, польских благотворительных организаций многие вершининцы впервые в жизни получают возможность съездить в ознакомительную поездку по Польше, а также отправить туда своих детей на отдых во время школьных каникул.

«Они раньше почти не ездили, единичные случаи были. Это сейчас они стали ездить. Сейчас и по турпутевке, и отец Игнаций. Нынче вот опять ребятишки собираются, человек 4–5, я справки им оформляла со школы» (Ж, 1949, ПФ-7).

«А сейчас вот ездят часто. Ездили взрослые, наверно, уже раза два-три. То вот за счет Польши. Документы сделают, всё, едут. Заплатят, как свои деньги, а там придут — там их и кормят, и всё, и обратно им деньги отдают. Так что у них получается, что они как задаром съездили. Вот у моей

---

* См., например: «У меня там брат после войны остался, жил» (Ж., 1928, ПФ-5). «У нас мать в 68-м году ездила в Польшу (...) У нас после войны дядя там остался. Контуженный был и не мог сюда приехать, и там жил» (Ж, 1952, ПФ-3).

сестры девчонке 15 лет, вот она сейчас поедет. А до этого тоже у сестры две дочки сразу ездили один раз. Также вот так вот едут и бесплатно» (Ж, 1952, ПФ-3).

«Мы вообще-то ездили по всей Польше. Там нам, ну, как туристам, показывали самые такие места. (...) Деньги в одну сторону мы заплатили, нам их вернули, не все, правда, вернули, но все равно, большую помощь нам оказали. Потому что на свои деньги мы бы не смогли съездить. Тем более, мы сейчас уже на пенсии. Откуда деньги такие взять?»

Вопрос: *В этой группе из Вершины все были?*

Ответ: *Нет. Отсюда нас 7 человек было. Остальные — с Иркутска, из Усолья, с Читы, с Улан-Удэ. Двадцать с чем-то человек нас ездило тогда* (Ж, 1935, ПФ-2).

В последнем из представленных фрагментов интервью информантка рассказывает о своей поездке в Польшу, организованной и финансируемой польским благотворительным фондом. Группа, с которой она ездила, была составлена из жителей не только Вершины, но и Читы, Усолья-Сибирского, Улан-Удэ, Иркутска — то есть всех тех городов, где имеются довольно многочисленные группы населения польского происхождения, а также действуют польские национальнокультурные общества. Таким образом, жители Вершины воспринимаются польской стороной (общественными и правительственными организациями, частными лицами) как часть сибирской Полонии, на основании чего им и оказывается поддержка. Этничность и связи с «исторической родиной» выступают здесь как реальный экономический ресурс.

При этом можно заметить, что с распространением практики бесплатных (или частично оплачиваемых) поездок в местном сообществе растут и потребительские настроения. Помощь из Польши уже в какой-то мере воспринимается людьми как нечто само собой разумеющееся и положенное им по праву. Об этом редко говорится напрямую. Исключение, пожалуй, составляет единственное интервью, в котором информантка рассказывает о религиозной ситуации в деревне. Рассуждая о причинах того, что многие вершинцы не ходят в костел на богослужения, она говорит следующее:

«Многие, с кем я разговаривала, кто не был, говорят: «Ну, вот как я приду в костел? Все сразу на меня посмотрят — о, пришла, что-то ей надо, мол, зачем ты пришла. Мол, с какой-то корыстью». И действительно, так есть. Вот эти наши бабушки — знаешь, какие они? Мы, мол, там заядлые католички, а эта — что-то ей там надо, вот и пришла». Не одобряя подобного отношения, информантка все же отмечает, что основания для таких суждений имеются: «Потому что уже тоже кое-какой опыт есть вот таких случаев, что, например, если тебе церковь что-то дает, то мы это берем, а взамен ничего. И вот воспитывается такое отношение. Потому что были же уже и поездки, и другие там — и взрослые ездили. Вот перед поездкой они показались там пару раз, в костел пришли, съездили, вернулись, а потом не приходят» (Ж, 1972, ПФ-1).

Кто поехал, кто не поехал, чьи дети вошли в группу, а кого не взяли, к кому в гости ходили приехавшие из Польши туристы, с кем они общались — эти вопросы также становятся предметом обсуждения и причиной скрытого недовольства в деревенской среде.

Говоря о посещениях вершинцами Польши, особо следует сказать о

долгосрочных образовательных поездках. Польское происхождение при наличии подтверждающих его документов дает молодым жителям Вершины право участвовать в специальных образовательных программах польского правительства, то есть бесплатно обучаться в средних и высших учебных заведениях Польши при условии прохождения отборочных тестов.

Самой первой польской студенткой из Вершины стала Людмила Фигура, которая начинала свое обучение на отделении польской филологии Гданьского университета еще на колхозные деньги, а заканчивала его уже на средства польского правительства. Вернувшись в Вершину в 1995 г., она начала преподавать польский язык в местной начальной школе и в средней школе деревни Дундай.

Спустя несколько лет еще две уроженки Вершины решили участвовать в польской образовательной программе. С 1998 по 2002 гг. они учились в техникуме г. Мышков на отделения экономики. Правда, по возвращении домой девушки столкнулись с проблемой трудоустройства и не смогли найти работу по специальности. В подобной же ситуации оказалась и другая вершининская жительница, закончившая техникум в г. Конин.

Еще четверо уроженцев Вершины (две девушки и два юноши) поступили в польские университеты. На момент проведения исследования одна студентка завершила обучение на экономическом факультете Люблинского университета, но вернулась не в родную деревню, а в областной центр, где ей предложили соответствующую полученному образованию работу. Остальные еще продолжали учиться в Польше.

В целом с 1998 г. по 2006 г. правом на образование в польских учебных заведениях воспользовались восемь вершининцев. Интересно то, что никто из них не был ориентирован на дальнейшее проживание в Польше. Все вернулись или собираются возвращаться домой (если не в Вершину, то, по крайней мере, в Иркутск). Одна из информанток на вопрос, почему не осталась в Польше, ответила: *«Не хотела. Всё равно, как говорится, где уже вырос, там... Как-то тянуло. Своя кровь уже тоже. Да и ... Муж уже будущий ждал дома, жених»* (Ж, 1980, ПФ-12). Любопытно, что выражение «своя кровь» в данном случае соотносится не с этническим происхождением, а с локальной идентичностью.

О чувстве привязанности к «родным местам», о восприятии Вершины как своей родины говорили многие информанты. На вопрос, хотели бы они переехать жить в Польшу, как правило, следовали отрицательные ответы, причем мотивация звучала примерно одинаково независимо от возраста отвечающих.

«Нет. Тут уже вырос. Тут привык, тут всё» (М, 1926, ПФ-4).

«Что там делать? Тут все свои, знакомые» (Ж, 1929, ПФ-4).

«Ну, так ехать, просто проведовать — это совсем другое, а жить — я думаю, что ... Что-то тянет сюда, хоть нам тут и не так сладко живется. Но я лично считаю, что сейчас нормально, лишь бы так до самой смерти жить. Еда есть, одежда есть, всё есть. Что нам много надо? Ну, вот что-то тянет, видимо. Корни здесь. Навсегда» (Ж, 1935, ПФ-2).

«А кто нас там сейчас ждет, конечно? Мы уже россияне. Да мы бы, наверно, и сами не поехали. Ну, что, уже всё чужое, мне кажется, для нас лично. Здесь мы выросли, здесь... Всё равно... Здесь наша родина» (Ж, 1967, ПФ-3).

О местном патриотизме вершининских поляков говорят и жители сосед-

них деревень. Его отмечают также авторы публикаций о Вершине (Трык 2005; Dobrowolska 2003; Новицка 2005). Эта черта групповой идентичности, похоже, сохраняется в местном сообществе на протяжении значительного периода времени. Иркутский историк Б.С. Шостакович в статье о поездке в Вершину с польскими кинодокументалистами в 1969 г. вспоминает эпизод, как спорили вершининцы с деятелями кино о том, где лучше живется — в Польше или в Сибири. «В этих дискуссиях вершининцы неизменно отстаивали позицию убежденных местных патриотов. Они горячо доказывали, что хотя знают о своих польских корнях, однако своей нынешней родиной считают Сибирь, которую никогда и ни на что не променяют» (Шостакович 2005: 47).

Групповые поездки деревенских жителей в Польшу, покупка и обустройство помещений для Польского дома, получение бесплатного образования в польских учебных заведениях — всё это примеры успешного использования этнического ресурса в современной Вершине. Быть поляком сегодня стало престижно, и речь идет не только о материальной стороне дела. Внимание к жителям Вершины именно как к полякам, постоянное выражение одобрения и даже восхищения фактом сохранения польского языка повышает их самооценку и укрепляет этническое самосознание. Если в 1930х гг. польское происхождение могло стать основанием для ареста, да и в более поздние и спокойные времена люди не стремились привлекать к нему внимание посторонних, то сегодня «польскость» становится предметом гордости. В условиях, когда в паспортах и метриках отсутствует запись о национальности, жители Вершины стремятся подчеркнуть свое польское происхождение, так как оно дает им видимые преимущества. Как отмечает польская исследовательница А. Вишневская, «вершининцы понимают, что, представляя отличную от других национальную группу, они вызывают больший интерес к себе» (Вишневская 2005: 12).

В то же время превращение этничности в символический и материальный ресурс сопровождается ростом потребительского отношения и становится источником скрытых конфликтов внутри местного сообщества.

Литература

Вишневская А. История Вершины, или как поляки оказались в Сибири // Тальцы. Иркутск, 2005. № 4. С. 5–13.

Галеткина Н. От мигранта к сибиряку. Трансформация групповой идентичности при переселении // Диаспоры. М., 2002. № 2. С. 32–63.

Новицка Е. Многоликость польской идентичности (поляки за восточной границей) // Диаспоры. М., 2005. № 4. С. 6–24.

Павлусь И. Путь в Вершину и путь Вершины // Тальцы. Иркутск, 2005. № 4. С. 55–74.

Трык Я. П. Мои встречи с Вершиной // Тальцы. Иркутск, 2005. № 4. С. 49–54.

Фигура В.М. Польское культурное общество «Висла» // Тальцы. Иркутск, 2005. № 4. С. 27–35.

Шостакович Б.С. Съёмки первого фильма о селе Вершина польскими кинодокументалистами // Тальцы. Иркутск, 2005. № 4. С. 44–48.

Dobrowolska M. Nauczycielka s Polski // Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii / Pod red. Ewy Nowickiej i Malgorzaty GlowackiejGrajper. Kraków, 2003. — S. 133–228.

Nowicka E., GlowackaGrajper M. Polskosc zastygla. Spojrzzenie antropologa na Wierszynie // Wierszyna z bliska i z oddali: Obrazy polskiej wsi na Syberii / Pod red. Ewy Nowickiej i Malgorzaty GlowackiejGrajper. Kraków, 2003. — S. 33–70